

Сравнительно-исторический анализ плавных согласных [r] и [l] в русском языке

Silobrčić, Ivan

Undergraduate thesis / Završni rad

2021

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:051535>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-11-13**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Katedra za ruski jezik

Сравнительно-исторический анализ плавных согласных [r] и [l] в русском языке

(Бакалаврская работа / Završni rad / Bachelor's thesis)

Student: Ivan Silobrčić

Mentor: dr. sc. Natalija Vidmarović

Zagreb, 11. srpnja 2021. g.

Содержание

1. Введение

<i>1.1. Общее введение</i>	2
<i>1.2. Краткое введение в изучение русских плавных согласных</i>	3

2. История фонем [r] и [l] в русском языке

<i>2.1. Сведения о диахронической фонологии и о фонемах [r] и [l]</i>	5
<i>2.2. Описание фонем [r] и [l]</i>	11
<i>2.3. Слогообразовательность</i>	16
<i>2.4. Влияние на слоги и метатеза плавных</i>	21
<i>2.5. Эпентетический [l] и отвердение [r]</i>	29

3. Заключение

<i>3.1. Общее заключение</i>	32
<i>3.2. График развития русских плавных</i>	34

4. Список литературы

Sažetak, ključne riječi i kratak životopis	40
--	----

Условные сокращения:

ПИЕ – *праиндоевропейский язык*

праслав. – *праславянский язык*

др.-ру. – *древнерусский язык*

русс. – *сов. русский лит. язык*

укр. – *сов. украинский лит. язык*

бел. – *сов. белорусский лит. язык*

поль. – *сов. польский лит. язык*

чеш. – *сов. чешский лит. язык*

слвц. – *сов. словацкий лит. язык*

слвн. – *сов. словенский лит. язык*

серб.-хорв. – *сов. сербский лит. язык и
сов. хорватский лит. язык*

мак. – *сов. македонский лит. язык*

болг. – *сов. болгарский лит. язык*

МФА – *Международный фонетический
алфавит*

ср. – *сравните*

1. Введение

1.1. *Общее введение*

В настоящей заключительной работе исследуется историческое развитие плавных согласных фонем в русском языке, [г] и [л], происходящих из индоевропейской фонологической системы. Эта работа проникает в историю фонологии русского языка, притом включает взгляды на развитие тех же самых фонем в других славянских, индоевропейских и мировых языках с целью сопоставления и освещения причин изменений в аллофонах данных фонем; ибо эти фонемы одновременно чрезвычайно стабильные и изменчивые языковые единицы, как часто отмечается в используемой нами литературе. Они являются богатейшим материалом для исследования исторической фонологии, имея в виду их сложность, разнообразие и влияние на другие фонемы внутри русского – их следы и влияние многосторонние. В данной работе исследуется их диахроническая вариабельность в различных языковых средах в истории русского языка из *сравнительной*, но особенно из *исторической* фонологической перспективы.

Плавные фонемы в общем, как и конкретно русские [г] и [л] и их аллофоны, являются сложными по сравнению с другими фонемами именно потому, что, с общей

точки зрения, они открывают более широкий фонетический и фонологический спектр человеческого языкового аппарата – иначе говоря, их аллофония сравнительно широкая. Для сравнения укажем, что губные могут быть аспирированными, лабиализованными, а плавные изменяются по большему числу параметров. Но все же в современном русском литературном языке они не обладают широкой аллофонией (у языков чаще всего весьма ограниченная аллофония этих фонем), то есть синхронически они проще, чем диахронически – данная работа касается их *диахронических* изменений и свойств, их влияния на внутреннюю логику русского языка и влияние других частей русского языка на эти плавные согласные. Их влияние на фонологию русского языка представляется заметным и отслеживаемым явлением.

Исследование фонологии русского языка, это глубокая и уже давно ведущаяся работа над историей одного из мировых языков, которая включает в себя влияние множества других, различных языков. Особое внимание в этой работе мы уделим старославянскому языку, языку культурно важнейшего уровня, и генетически близкому русскому языку. Попытаемся проследить историю плавных согласных посредством фонемного инвентаря и его влияния на слоговость прежде всего в рамках изменчивого дописьменного, достандартизованного периода русского языка; затем рассмотрим ассимиляцию в отношении с другими гласными и согласными; ее возникновение и исчезновение, которые свойственны именно этим согласным; а также саму эволюцию и аллофонное изменение этих фонем. Фонемы [r] и [l] оставили большой след в составе и виде русской речи, как мы увидим, древнерусские тексты только частично покажут это изменение. Вследствие этого мы пользуемся историческими и сравнительными (и фонетическими) методами для того, чтобы составить обширную, хотя и не полную картину эволюции (как принято говорить, пользуясь биологическими метафорами) данных фонем. Крупнейшее влияние южнославянских письменных норм на русскую словесность оставило нам флюидную орфографию древнерусского языка: таким образом, этот язык стал более достоянием филологов, нежели исключительно лингвистов. Эта работа одновременно *филологическая* и *лингвистическая*, но в большей степени лингвистическая

– филологические данные нам помогут понять так называемые исключения, точнее, наплывы старославянского в системе древнерусского языка.

1.2. Краткое введение в изучение русских плавных согласных

Фонология – самая заметная часть языка. Де Соссюр постоянно замечал, что язык, это не написанная речь, а речь произнесенная, причем с целью общения – эта мысль глубоко проникла в тогда еще новую грань сравнительной лингвистики, или, если сформулировать точнее: «язык – это система социально обусловленных знаков, функционирующая в качестве средства общения» (Хабургаев 1980: 7). Звук в речи – это элемент значения, неотъемлемая часть смысла, поэтому изучение состава языка просвещает смысл целого (Bugarski 1996: 126). Эта работа касается сравнительно-исторической фонологии, поэтому нашим объектом будет *фонема*, причем только две архифонемы. Данную тему мы будем рассматривать в широком плане – отметим, что мы должны всегда иметь в виду широкий план нашей темы, необходимый для *сравнительно-исторической* работы, *очерка истории двух русских фонем*. Также полезно всегда подчеркивать тенденцию (не закон) малейшего изменения фонем (или любой языковой единицы), то есть *практичность* определяет форму языка более, чем какая-нибудь систематизированная логика (De Saussure 1971: 204-205): язык всегда изменчивый, *морфирующийся*, он никогда не цементирован, ибо речь (*parole*), а не язык (*langue*) определяет саму форму языка. Как объясняет В. К. Журавлев, «[н]астоящая фонология может быть только позиционной» (Журавлев 1986: 17), то есть одна фонема освещает другую, а конкретные контекстуальные условия важнее всего в фонологии – изоляция объясняет лишь аудитивную часть звука, но фонема проявляется потенциальным значением благодаря контексту. Сравнительная лингвистика и историческая лингвистика (а они часто упомянуты вместе, как одно целое) – это две ветви лингвистики, которые сформировались в XIX веке с использованием терминов, то есть дискурса XIX века – и они полны систематических ошибок и технических недостатков (укажем лишь то, что терминология чаще всего биологическая и поэтому позволим себе пользоваться иногда и

терминологией, взятой у литературы, а наименование мертвых языков излишне связано с сегодняшними этнонимами). Однако, вопреки этому, мы будем в данной работе стараться объяснить историю данных двух фонем через указанную призму, освещая также другие области фонологии. У нас нет цели проанализировать артикуляционную фонетику, за исключением тех случаев, когда это поможет уточнить данное исследование. Наоборот, у нас цель отследить широкую перспективу, иными словами, изобразить расцвет данных фонем с самых ранних времен до состояния современного русского литературного языка, на всех этапах от начала до конца, также имея в виду пути, на которых другие языки сумели оформить различные решения касательно проблем данных фонем, уже тем самым становясь – другими языками. Мы стараемся показать, в каком положении находится русский язык в сравнении со славянскими, индоевропейскими, а иногда и другими языками, для того, чтобы понять их внутреннюю логику, их внутреннюю симметрию, и откуда они происходят.

2. История фонем [r] и [l] в русском языке

2.1. Сведения о диахронической фонологии и о фонемах [r] и [l]

Краткий объем данной заключительной работы не позволяет нам идти в глубину истории русских плавных фонем, поэтому мы будем в большинстве случаев смотреть на русский стандартный литературный язык (литературный язык, это медленно изменяемый констант), хотя более глубокое изображение целого включало бы и диалекты (см. *Словарь народных русских говоров*, СПб, 1965-). Что касается других языков и других славянских языков в частности, даже самых родственных русскому, мы будем только приводить ограниченное число примеров, чтобы показать столько доказательств, сколько необходимо для минимального понимания исторического фонологического развития русских плавных фонем. Понятно, что каждая лингвистическая работа, если она стремится к максимальному качеству, включает как можно больше видов языка, а не только нормированный язык (диалектология вообще недостаточно изучена из-за господствующего положения

стандартных языков и из-за сложности самой диалектологии) – но в случае темы исторической фонологии с учетом множества русских диалектов, которые, может быть, пока не изучены достаточно в рамках исторической фонологии, это практически невозможно. Однако мы будем упоминать другие диалекты, а также близкие украинские и белорусские стандартные литературные языки, когда это будет необходимо. Что касается выбора примеров, он не имеет цели показать все возможные рефлексии данных сочетаний с плавными согласными – они приведены только, чтобы показать некоторые возможные вариации – пути, которыми могли идти фонемы; при этом мы попробуем объяснить, почему произошло так, а не иначе. Когда мы приводим примеры из других славянских языков, то имеем только в виду их разнообразие, их (мор)фонологические расходящиеся пути; «Каждое лингвистическое явление является диахроническим, когда на него влияют элементы и факторы, происходящие из других стадий развития одного и того же языка» (Ducrot et Todorov 1972: 179, перевод мой). Диахрония – это взгляд на состояние между различными стадиями развития языка, с приблизительным указанием того, какие именно различия обозначают границы этих стадий. Относительность этого факта проистекает из-за того, что, как указывают Дюкро и Тодоров, язык различается по говору разных местностей (разных городов и сел), и по времени (сорок лет назад и сегодня, тысячи лет назад и сегодня) к тому же и сам человек не всегда говорит тем же языком в разное время и в различных контекстах. Диахрония – это *точка зрения*. Сегодняшний русский язык в двух географически отдаленных местах не идентичен самому себе, не говоря о древнерусском языке, тоже широко распространенном и далеком от какой-либо стандартизации.

История фонологии любого языка является сложным и медленно открывающимся перед лингвистам предметом, но большинство крупных мировых языков, как в принципе и большое количество меньших, обладают лингвистически описанными исследованиями – русский язык несомненно является одним из самых исследуемых языков всех времен. Исследования истории русского языка в последние десятилетия изменились не много, поэтому использованные нами источники чаще всего из времени СССР, так как раньше этого периода имеются в принципе младограмматические исследования и начало современных исследований (Шахматов, Фортунатов и др.). Более современные источники

часто включают недавние работы и мы пользуемся в качестве литературы в данной работе как новейшими, так и не совсем современными исследованиями. Напомним, что нет много исследований по данной теме, как видно из того, что авторы часто цитируют друг друга, но большие споры бывают. Главная литература об исторической фонологии русского языка, данная в Списке литературы, является достаточно закрытым кругом с небольшими новыми открытиями: Х. Л. Борхес справедливо заметил, что все книги, на самом деле, связаны друг с другом – в Списке литературы заметна одна из частей закрытого круга книг о лингвистике.

Часть ответа на вопрос, откуда такое разнообразие плавных фонем, заключается в том, что их акустические свойства близки к гласным фонемам, то есть воздушный поток при произношении плавных исключает фрикцию, и голосовые складки занимают ту же самую позицию, как при произношении гласных (*The World Atlas of Language Structures* 2005: 38); отсюда их гибкость и аллофония, которая есть и у гласных. В. К. Журавлев (Журавлев 1986: 199) разделяет четыре этапа звукового развития в языке любой фонемы: этап фонетический («звуковые законы», «позиционно обусловленная вариативность»), этап фонологический («закрепление результатов» первого этапа, порождение исключений), этап морфонологический («продолжение фонологизации», т. н. аналогия, исключения множатся) и этап социолингвистический (новость становится нормализованной, нормой). По этому образцу мы исследуем все четыре этапа, но в принципе сосредоточимся на первых трех; особое же внимание уделим фонологизации и отслеживанию ее формирования.

В следующих главах рассмотрим одну часть фонологии русского языка посредством диахронической фонологии, с помощью сравнительного метода. В первую очередь в этой главе посмотрим, идентифицируем и объясним, чем отличались плавные согласные [r] и [l] внутри системы современного русского литературного языка и всех языков, предшествующих ему, за исключением пока не полностью объясненного состояния реконструированных сонорных фонем в балто-славянском праязыке (Karović 2008: 200-201). Хотя мы видим, что оно, вероятно, не сильно отличалось от предшественника древнерусского языка, праславянского, касательно плавных сонорных, тем не менее

считается, что они потеряли слогаобразовательность уже в прабалтославянском, что не является таковым с праславянским языком (Koneczna 1965: 16-17) – но тем не менее допустим, что состояние сонорных фонем в прабалтославянском не отличалось от их состояния в праиндоевропейском языке (*Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics* 2018: 1976). Не будем включать ностратическую теорию по вполне понятным причинам, но укажем, что в самом современном серьезном и объемном труде по ностратической теории есть около тридцати страниц, посвященных праностратическим *r и *l, типологически показывая (не будем писать доказывая), как они либо чрезвычайно мало изменились до сегодняшних языков, либо изменились – одно в другое (Vomhard (*volume II*) 2008: 896-925). Таким образом, анализируя расходящиеся моменты в истории этих фонем, мы смотрим на глобальную фонетическую типологию, и становится понятно, что [r] и [l] обладают широким спектром аллофонов (намного более широким, чем большинство других согласных).

Фонемы [r] и [l], две единственные плавные согласные современного русского языка; обозначим архифонемы этих двух согласных с помощью МФА (в данной работе будем пользоваться Международным фонетическим алфавитом – МФА, *Alphabet phonétique internationale*), чтобы уравнивать все чрезвычайно разные конвенции, используемые в цитированной нами литературе, а МФА – самая достоверная система транскрипции. Архифонемы [r] и [l] здесь обозначают «общ[ую] часть нейтрализованных фонем» (Лекант 1988: 105), их общий знаменатель, так сказать. Древнерусский язык обладал пятью плавными фонемами: [r], [rʲ], [l], [lʲ] и [lʷ] (эта последняя вне МФА чаще обозначена как [ɫ]), причем они не были аллофонами друг друга, так как [rʲ] и [lʲ] были *исконно* мягкими – такого состояния сегодня нет. Это наследие инвентаря из праславянского (далее: праслав.) периода изменилось не по предсказуемым образцам, но по тому, как реагировали говорящие на языке на новые позиции речевых элементов в новых сочетаниях. Поскольку одно изменение следует за другим, язык меняется медленно, по цепочке (как много звуковых законов это доказывают). Мы имеем в виду, что причины этим изменениям пока не всегда объяснимы согласно современному состоянию *вопроса* (см. выше). Иногда они полностью логичны из артикуляционной перспективы, иногда ради симметрии внутри

системы возникают разные перемены (это аналогия), но иногда одна из нескольких возможностей оказывается просто «выбранной», вопреки факту, что есть много других возможностей – так рождаются новые диалекты и, наконец, языки. Например, одна из нижеприведенных глав касается эпентезы, то есть вставки – это пример общей системы языка, которая представляет более или менее спонтанную новость не по «генетическим» причинам, а для налаживания произношения.

Таким же образом понятно, что язык – система, которая в общем стремится к внутренней симметрии и аналогии просто потому, чтобы быть полезнее, функциональнее – это смысл человеческого общения. Иногда в языке случаются спонтанные адаптации и, как цепь, одна языковая новизна несет с собой и другие, так что, как во льду, выкристаллизовываются фонологические (иначе говоря – функциональные) явления. Говоря о плавных согласных вообще, часто говорится о том, что они очень стабильны, не терпят переходов в артикуляционно очень различные фонемы (как, например, [s] в [ʃ] в т. н. первой славянской палатализации, хотя [r] повлиял на этот переход, или [p^h] в [f] в истории фонологии греческого языка), так что этого практически быть не может: например, [s] стало [x] в праслав. перед [r], [u], [k] и [i] (так называемый закон РУКИ), но не в прибалтийском, где лишь [rs] перешло в [rʃ] под тех же самых обстоятельствах (Maueg 1939: 19). На самом деле фактически доказано, что по крайней мере в индоевропейских языках плавные «являются самыми постоянными из частей индоевропейской фонологической системы» (Mihaljević 2002: 92, перевод мой). Но зато [r] и [l] обладают в целом чисто типологически огромной по разнообразию аллофонией, что является доказательством их фонологической и фонетической разновидности, и именно поэтому их называют *сонорными* согласными (ср. [ʒ], [ʁ], [L], [ʎ], [ʁ], [r] ...). А это позволяет сделать вывод, что они фонетически стабильны и изменяются в деталях, в аллофонии, а не перемещаясь с одной части речевого органа в другой. Поскольку каждый язык имеет внутренние причины фонологической нестабильности, часто имеются и внешние причины (Mihaljević 2002: 24): русский язык в своей относительно недолгой истории являлся древнерусским (далее: др.-ру.), называемым и правосточнославянским. Это язык, который отделился от праславянской общей системы около двенадцати веков назад, а сам русский

от этой системы – около пяти. Он обладает, естественно, списком внутренних изменений, то есть пунктов, по которым начались эти вышеприведенные цепи униформизации фонологических изменений; одно изменение следовало за другим. Они в большинстве являются частями внутренней развивающейся логики русского языка, но рядом с ними часто возникают подобные, но происходящие из культурных, в данном случае церковных традиций варианты староцерковнославянского (далее: ст.-сл.). Русская словесность долго и коренным образом была фактически зависима от церковнославянской нормы и самого правописания, почти раболепно переписывающей ценные церковные сочетания и даже извлеченные из греческого надстрочные знаки, полностью теряющие свои значения в славянской фонологии. Таким образом вошли в русский язык так называемые исключения, являющиеся полноценными словами языка, которые не соответствуют внутреннему развитию «исконно» русского языка, но совсем нормально являются частью языка. Это даже проникло в определенные сочетания (см. ниже), но это частично объясняется фактом, что на восточнославянской почве староцерковнославянский язык очевидно не воспринимали как иностранный и из этого ценного литературного языка без препятствий принимались новые, подобные им, но не тождественные сочетания и перемещения фонем внутри слов.

Сегодня, несмотря на глубоко точные предупреждения фон Вартбурга, что «... диахроническая фонология пока еще в инфантильном состоянии» (Wartburg 1969: 49 в Журавлев 1986: 22), лингвистика все-таки пользуется широким и оперативным количеством данных по развитию фонологии. По крайней мере достаточным для того, чтобы понять устройство и наиболее общие данные о причинах фонологических изменений. Однако, это является сравнительно недавним открытием, так как даже Владимир Даль описал русские плавные, полностью ненаучным способом с сегодняшней точки зрения: *р*, оно «произносится всегда на одинъ ладъ; въ русскихъ словахъ никогда не сдваивается, а въ чужихъ это дѣляютъ напрасно, подражая безъ малѣйшей надобности иноязычной правописи» (Даль [P~V] 1956: 5) а *л*, оно «[п]роизносится толсто и тонко, какъ-бы со знаками ъ, или ѣ; *лобъ, глыба, поль; лихой, колючій, ельникъ*; въ языкахъ западныхъ, есть еще третье, среднее между ними, которое у насъ передается тонкимъ или

мягким *ль*» (Даль [И~О] 1956: 230). Эта попытка понимания данных фонем покажет нам, что фонологическое сознание не совсем интуитивно. Де Куртенэ и де Соссюр, Фортунатов и Шахматов – их труды по фонологии до сих пор являются в большей или меньшей мере современными для сегодняшней фонологии, они лишь частично устарели, ибо фонология находится в своем младенческом состоянии.

2.2. Описание фонем [r] и [l]

Фонематический инвентарь любого языка можно растолковать сквозь три призмы фонетики: артикуляционной, акустической и аудитивной фонетики (Lyons 1972: 101-102). Нас, конечно же, будет занимать больше всего артикуляционная фонетика, но внутри этого именно фонология определенного языка – не фонетика как таковая, а внутренняя логика данного языка, русского (далее: русс.), а также обратный путь – до праиндоевропейского (далее: ПИЕ), так сказать, «телескопический» взгляд на *фонологическое* развитие данных фонем. В артикуляционной классификации русских согласных есть пять категорий, по которым их разделяем: 1) *по месту образования*, 2) *по способу образования*, 3) *по уровню шума*, 4) *по участию голоса* и 5) *по твердости или мягкости согласного* (Лекант 1988: 84-88). Современные русские плавные занимают интереснейшие позиции в этих схемах – а именно, [r] и [l] по месту образования, то есть с учетом органов, использованных при образовании этих фонем, являются *переднеязычными*, притом [l] *зубным* (как и [t], [g], [s], [z], [n], [ts]), а [r] *переднеязычным* (как и [ʃ] («ш»), [ʒ] («ж»), [tʃ] («ч')) (там же: 85). По способу образования, то есть по препятствиям во рту, [l] и [l̥] являются *щелевыми* (фрикативными), притом боковыми (там же), а [r] – *дрожащая*, хотя [r] и [r̥] единственные дрожащие в русском (там же: 86). По уровню или степени шума [r] и [l] находятся в более сходном положении, так как тот и другой являются *сонорными* – иначе говоря, они не шумные, как большинство остальных согласных (там же). По участию голоса, то есть на спектре звонкости и глухости, по мнению Леканта [r] и [l] являются *звонкими*, как и [m], [n], [j], [b], [v], [g], [d], [z] и [ʒ], при использовании нотации для звонкости ~ глухости «[p] ~ [p̥]» (подстрочная лямбда) и «[л] ~ [л̥]» в МФА было бы [r̥] и [l̥] с примерами мет[r̥],

вих[r^j], смыс[l] и мыс[l^j] (таким же образом категоризирующий [н] и [м]); он объясняет, что все согласные оглушаются на конце слова, не только те, у которых разные пары, как [d] и [t] (там же: 86-87), как в простом примере *тусклый* > *тускл* с [l]. Вопреки этому Журавлев считает, что аллофон [r] не надо перечислять в этой системе, так как артикуляционно [r] и [l] не чередуются со своими глухими аллофонами, ибо [r] и [l] «принципиально звонкие», «они ведут себя именно как «никакие» – ни звонкие, ни глухие» (Журавлев 1986: 74), так, например, полуслогообразующий *p* в словах *теат*[r] «[r]», *вих*[r^j] «[r']» не считается оппозицией внутри аллофонов (Панов 1967: 36 в Журавлев 1986: 71). Последняя категория или оппозиция – призма твердости и мягкости очень проста – [r] и [l] в современном языке обладают также позиционно обусловленными палатализованными аллофонами, так, [r] ~ [r^j] и [l] ~ [l^j], как, например, *рад*, *ряд*, *лог* и *лег* (Лекант 1988: 87). Многие из этого описания современного состояния русской фонологии изменилось за последнюю тысячу лет – изменилось достаточно для того, чтобы древнерусский считался *другим* языком, являясь другим этапом развития языка. Так это не во всех случаях сравнительно с другими языками. В японском языке, как и в корейском, [r] и [l] не могут быть в оппозиции, они не имеют возможности формировать дистинктивную оппозицию (Trubetzkoy 1973: 48), а в австронезийских языках [r] и [l] чередуются (в австронезийском языке маори, нет вообще [l] – скорее всего [r] и [l] слились в [r]); произошла фузия, которая не может произойти с каждой парой гласных – впрочем, в русском эта как будто двойственная корейская фонема получается [r], как в имени Ким Ир Сен (김일성), и в китайских языках, в разных диалектах те же самые слова часто отличаются лишь изменением аллофонов [r] с аллофонами [l] (особо по отношению Тайваня к континентальному Китаю). А в северных итальянских жаргонах произносят *perdonalli* вместо *perdonarli* («прощать им»), то есть ассимиляция [r] над [l] (причем здесь и грамматема *li*), то есть это есть и в индоевропейских языках (Lanuzza 1994: 39). В русский язык вошли [r] и [l] в самых разных видах: из латинского корня *titulus*, [l] исторически изменился даже в [r] посредством разных языков, отсюда русские слова из французского и польского *титр* и *титул* (от *titre* and *tytuł*), или тоже из латинского испанский *sur* и португальский *sul* («юг»); также иранский язык *аланский* получило форму названия народа и языка от санскритского корня

आर्य (áря). В английском или немецком, они формируют дистинктивную пару, в китайском и японском никакую, а в современном русском различаются аллофоны этих фонем (Lyons 1972: 112), а в ПИЕ увидим, что даже русс. слова *береза* и *белый* имеют один и тот же корень *bher- (в значении светлый, ясный, коричневый) / *bhā (в значении блестеть, светить) с *r в корне (*Этимологический словарь русского языка* 1965: 94-95). Все это пути, которыми русские [r] и [l] могли идти (видно из того, что они существуют в других человеческих языках), но не пошли, кроме последнего случая, который непосредственно касается русского. Попробуем ответить ниже на основной вопрос логики: почему так, а не иначе.

Что касается аллофонов, их возможно считать по-разному, в зависимости от уровня точности. В определенном смысле все согласные – другие в разных позициях. Научная классификация, предлагаемая Лекантом, предполагает три очень простых позиционных варианта плавных согласных в современном русском литературном языке: «[p] ~ [p^o] ~ [p_λ]» и «[l] ~ [l^o] ~ [l_λ]», где 1) надстрочный знак [°] означает *огубленный согласный* (то есть в непосредственном соприкосновении с огубленным гласным, [u] и [o]), а 2) [λ] – *оглушенный сонорный*; в МФА это [r], [r^w], [r̥] и [l], [l^w], [l̥], с примерами *смот[r]ы*, *смот[r^o]у*, *смот[r_λ]* и *смыс[l]ы*, *смыс[l^o]у*, *смыс[l_λ]* (там же: 103) – плюс 3) *палатализованные* [r^j] и [l^j], и они все отделяются фонетически, так как произносятся действительно по-разному, хотя не имеют фонологической значимости, не формируют различий в значении в действительных словах. Однако языковая интуиция очевидно столь различными их не чувствует, предлагая одну букву *p* и другую букву *l*, для стольких звуков – сам Сократ, в известном всем лингвистам диалоге *Кратил*, говорит о твердости и движении *p*, и о гладкости и плавности *λ* – это же интуиция, фундамент звуко-символизма. Русский язык, уже имея намного больше звуков, чем язык происхождения его азбуки, греческий, создал новые графии, но не для всех звуков – впрочем, большинство письменных языков не различает вариации плавных в письменном виде. Как и во многих языках, [r] и [l] остались обозначенными так, как будто они простые фонемы (но, правда, в славянских языках они, кажется, мало влияют на акцентологию), хотя у них есть вышеприведенная внутренняя морфия, то есть диахронические связи и синхроническая аллофония. Это типологический факт, что

альвеолярные, то есть боковые и ротовые согласные, очень изменчивы к близким им аллофонам. Плавность как свойство, конечно же, частично дает ответ, почему они такие – эта оппозиция самая главная в инвентаре любого языка, оппозиция гласных и согласных, в которой плавные занимают положение моста.

Палатализация, то есть сочетание с фонемой [j] является важнейшим вопросом для судьбы развития [r] и [l] в славянских языках. В др.-ру. был ряд исконно мягких согласных – это согласные, которые не являются палатализованными по фонологическому положению, а это их свойство по ПИЕ происхождению, они не позиционные аллофоны. В праслав. и ст.-сл мягкость была «постоянным качеством», твердые согласные никак не могли бы стать мягкими по позиции (Хабургаев 1974: 102). Согласные либо мягкие, либо твердые, не чередуются морфонологически; следственно, фонемы [n], [nʲ], [l], [lʲ], [r], [rʲ], [s], [sʲ], [z] и [zʲ] не были так называемыми парами. Отмечается, что в праслав. период произошла фузия палатальных согласных, таким образом, исходно мягкие согласные стали мягкими зубными: *lj, *nj, *rj > *lʲ, *nʲ, *rʲ (Townsend, Janda 1996: 88) (Rosenkranz 1955: 56). Язык др.-ру. унаследовал трехчастную систему фонемы [l], хоть они различались позиционно, в отличие от предшествующей ей праслав. стадии, так «*l*, *l'* и *l*», то есть [lʷ], [lʲ] и [l] были аллофонами друг друга: «*l*» / [lʷ] *твердый переднеязычный* согласный, притом *лабиализованный*, точно так же как в современном русском языке, но находился только перед гласными заднего ряда (*o*, *u* и *ъ*, то есть [o], [u] и [ə] или [ɤ]) и твердыми согласными: «*l'*» / [lʲ] *палатализованный* согласный, т. е. согласный с дополнительной артикуляцией, обусловленной палатализованностью следующего гласного: и наконец «*l*» / [l], который ни палатализованный, ни лабиализованный, то есть *среднее*, между [lʷ] и [lʲ], но находился перед гласными переднего ряда (*ь*, *ъ*, *e*, *и*) (Борковский, Кузнецов 2006: 54) (ср. вышеприведенные слова В. Даля). Случай *p* проще, так как там нет такого «среднего *p*», а только палатализованный и непалатализованный, [r] и [rʲ] (там же: 50). Может быть, именно потому, что *l* становится столь часто палатализованным, он утратил слогаобразовательность, в то время, как с *p* ничего подобного не произошло, и следовательно, *l* не потерял свою слогаобразовательность во многих славянских языках – одна функция заменяет другую. Но в русском *p* и *l* потеряли слогаобразовательность,

вероятно из-за полногласия (см. ниже). Так, в праслав. слове *žlъть, в русс. произошла метатеза плавных (см. ниже) и появление полногласия с ь ([ɪ]), так что получился *желт(ый)*, а, например, в сербскохорватском не произошла та же метатеза плавных, и [ɪ] оказался неслогообразующим на данной исторической стадии и потому, находящийся между двумя согласными, стал полноценным гласным, дав [u], *жум / žut*. В белорусском и украинском же произошла метатеза, но все-таки изменился в согласный [u]: бел. *жоўты* и укр. *жовтий* (также в отдельных говорах северной России, как в примере *стоу*). Это бывает из-за падения редуцированных в сочетании с твердым [ɪ] или [ɪʷ] и получилось неслоговое (согласное) «ц» ([w]), впрочем, подобное польскому (Борковский, Кузнецов 2006: 124) (Кузнецов 1960: 156) и французскому также: *hoc illi > oïl > oui* [wi] (De Saussure 1971: 209). Ведь в русском и один и другой плавный потеряли полную слогаобразовательность в современном языке (скажем полную, как показано в вышеприведенных примерах), что дает основания предположить, что в русс. л потеряло слогаобразовательность раньше, чем р, поэтому могло дойти до аналогии. В словенском – языке, во многом сходным с русским, нет палатализованного л, а [ɪ] в простом сочетании с [j] («lj» в слове *ljubezen* не произносится как «ль» в *любовь*), также как и неассимилированный, но распространенный *rj*, в *pisar > pisarja* (ср. поль. *pisarz > pisarze*, уже в ед. чи. бывшим палатализованным и ставшим [z], *ж* в транслитерации) (*Славянские языки* 1977: 297, 301).

Можем сделать небольшой вывод, что в глобальном плане восточнославянские языки развились фонологически в большей степени подобно южнославянским языкам. Восточнославянские языки сохраняли большее количество древних инноваций, в то время, как западнославянские языки пошли дальше. Все зависит от того, как мы классифицируем эти дивергенции, до какой степени мы рассматриваем их, как отличающиеся друг от друга (ср. дебаты о том, является ли кашубский язык или диалектом польского, так же, как македонский – диалектом болгарского или нет и т. д.).

2.3. Слоγοобразовательность

Во многих очень различающихся друг от друга языках заметно, что у плавных согласных широкое фонетическое разнообразие, и между прочим часто возникает феномен слоγοобразовательности – мост между гласными и согласными в артикуляционном смысле. В современном русском языке плавные не обладают слоγοобразовательностью, но все-таки слова как *рвы* и *смысл* (и *казнь*, еще один сонорный согласный, или *мгновение*) показывают остатки этого – Лекант это считает слогами (Лекант 1988: 92, 105), или полусогласными. Язык ст.-сл. имел сонорные (нешумные согласные), то есть носовые [m], [n], [nʲ] и ротовые [r], [rʲ], [l], [lʲ], причем ротовые сонорные согласные *самые звучные* из этих семи сонорных – вот фонетическое объяснение их способности стать гласными, то есть слоговыми (там же: 98) (Хабургаев 1974: 105) (*The World Atlas of Language Structures* 2005: 38). Любопытно также отметить, что носовые, будучи менее звучными, часто находятся перед плавными как в *нравъ*, *мръти*, *зѣмля* (там же: 105), это также объясняет, почему они (из глобальной перспективы) реже являются слоγοобразующими. Добавим, что в польском языке слова, стоящие перед другим словом, начинающимся гласным или сонорным, в начале оглушаются или озвончаются, это ассимиляция, которая относится одинаково к гласным и к сонорным: иными словами, здесь сонорные ведут себя как гласные в других (примерно славянских) языках (*Славянские языки* 1977: 21), в словц. же [r], [r̄], [l] и [l̄] все слоговые и никогда не находятся (как слоговые) в начале или конце слова, имея при этом долготу, так же как и словацкие гласные (там же: 72). Язык, в наибольшей степени повлиявший на историю русского языка, старославянский, имел слоγοобразующие сонорные (как видно, впрочем, из сербскохорватского языка, особенно чакавского диалекта/языка), да и сам ПИЕ язык имел слоγοобразующие *ṛ, *ṝ, *ṝ̄ и *l̄ (Mihaljević 2002: 94). Добавим, что традиционное «правописание» при обозначении фонем в ПИЕ не соответствует МФА правилам. Так, подстрочный знак в примерах *ṝ̄, *l̄̄̄ обозначает слоγοобразовательность, тогда как в МФА этот же феномен обозначен как [r̄], [l̄]. В ПИЕ языке не было палатализованных сонорных, но были долгие слоγοобразующие

сонорные, но они уравнились с короткими: от праиндоевропейского к праславянскому и к староцерковнославянскому (Mihaljević 2002: 94, 95, 121):

– ПИЕ $*\bar{m} / *m >$ праслав. $*im$, т. е. «*ѣт / ѣт*» (т. е. «*ьт / ѣт*», т. е. [im] / [эм] или [ym]) $>$ ст.-сл. «*ѣ*», т. е. [ѣ]

– ПИЕ $*\bar{n} / *n >$ праслав. $*in$, т. е. «*ѣн / ѣн*» (т. е. «*ьн / ѣн*», т. е. [in] / [эн] или [yn]) $>$ ст.-сл. «*ѣ*», т. е. [ѣ]

– ПИЕ $*\bar{r} / *r >$ праслав. «*ѣр / ѣр*» (т. е. «*ьр / ѣр*», т. е. [r] / [эр] или [yr]) $>$ ст.-сл. так же

– ПИЕ $*\bar{l} / *l >$ праслав. «*ѣл / ѣл*» (т. е. «*ьл / ѣл*», т. е. [l] / [эл] или [yl]) $>$ ст.-сл. так же

Праиндоевропейскому слогу со слогообразующим плавным предшествовал в поздний его период гласный звук, или призвук, давая в праслав. *редуцированный* гласный, то есть несамостоятельный гласный рядом с девокализированным согласным (либо перед ним, либо после него) – «*ьр*» и «*ьл*», то есть, наподобие шва (Ivšić 1970: 73), по МФА [ɪ], то есть едва ли произнесенный остаток слогообразовательности (очень неудачно именованных) *полусогласных* [ɪ] и [l]. При этом, данные редуцированные еще в общеславянский период мутировали в менее произносимые гласные, обозначенные как «*ʳ*» и «*ʳ̥*» (Тележко 2017: 4). Добавим к этому и слогообразующие плавные, описанные по-разному в литературе: как «какой-то восходящий дифтонг» (*дифтонг* из-за слогообразовательности, имея две моры) (Ivšić 1970: 73), или как «**aʳ*» и «**eʳ*» (Хабургаев 1974: 111) или более точно «**aʳ*» и «**eʳ*», как в **ʳ̥ʳ̥gь* (*Славянские языки* 1977: 12), то есть **ʳ̥ʳ̥gь > *ʳ̥ʳ̥gь* – иными словами, сама терминология лингвистики, как это часто бывает, недостаточно уточнена и едва ли скоординирована – отсюда путаница. Понятно тогда, имея в качестве примера слово *сердце* (это весьма часто приводимый пример) ПИЕ $*k'rd > *k'erd$ как межстепень: Ivšić 1970: 74) $>$ праслав. $*sʳ̥rdьce >$ ст.-сл. *srьdьce*, видим, что в праслав. форме слова [ɪ] был слогообразующим, [ɪ] – поэтому был открытым слогом, то есть бывший звук, состоящий из двух мор (Mareš 1965: 22). Ср. слвн. [əɪ], если это начальный [ɪ] плюс согласный (напр. *rjav*) или [ɪ] между согласными (напр. *vrt*) или в конце согласный с [ɪ] (*žanr*) – это не

полностью слогообразующий [r] (*Славянские языки* 1977: 294), а в диалектах словенских даже [r] > [ar] (напр. *sarce*) (там же: 292).

Любопытно, что в древнерусский период, очевидно, было интуитивно понятно, что сонорные согласные сходны друг с другом (как заметно в одном из именных склонений, оканчившихся на *р, л, н*: *зверь, боль, огонь*), даже Пушкин рифмовал *страсти с власти, старины с блины и полей с скорей* в «Евгении Онегине». Но нас здесь интересуют ротовые сонорные, то есть плавные – таким образом получилась староцерковнославянская изменчивая, адаптабельная графика *рь / рь* и *ль / ль*, которая обозначала слогообразующие плавные (в ст.-сл. *влькъ, л* был слогообразующим). В древнерусской словесности часто верно переписывалась графика, но она обозначала другую фонологическую действительность. Посмотрим через вышеприведенную схему примеры, взятые из Mihaljević 2002: 94, *сердце* и *волк* – ПИЕ *kʹrd > ст.-сл. *сръдце*, ПИЕ *wʲkʷo > ст.-сл. *влькъ*. Сочетания *рь* и *ър*, *ъл* и *ль* присутствуют в древнерусских рукописях во множестве разнообразных примеров, даже противоречащих в одной и той же рукописи. Недревнерусская (староцерковнославянская) графика присутствует в самых разных с хронологической точки зрения рукописях, от *тръжьникомъ* в Туровском евангелии в XI в. (Namm 1960: 45) до *кръстияни* в Житии Мефодия в XII в. (там же: 56) и до *пръвихъ* и *тлькоуцимъ* в Житии Константина Философа в XV в. (там же: 54) – разумеется, эти три текста русского извода. Очевидно, орфография (а, может быть, и само произношение, во всяком случае так в хоральных текстах) зависела от консервативности того или иного книжника. Также очевидно, что [r] и [l] – стержни, вокруг которых др.-ру. редуцированные гласные позиционируются по-разному в славянских языках, либо в фонологической действительности, либо в графике, и не всегда в координации друг с другом. Утверждение де Соссюра о том, что язык – это прежде всего фонологическая система, а потом написанная речь (De Saussure 1971: 45), наиболее точно в случае древнерусской словесности. В серб.-хорв. [l] поглощен между согласными после падения редуцированных (*влькъ* > *вук / vik*), а [r] не исчезает (ибо, в отличие от [l] > [u], [r] не может измениться в гласный по артикуляционным причинам), а в чешском он сохранит в обоих случаях слогообразовательность (напр. *Vltava, Brno*) (*Славянские языки* 1977: 264, 72) – ср. укр. и

бел. *мова*, и когнат в чеш. *mluva* и русс. *молвить*. Ср. также праслав. *градъ* в древнескандинавском названии, обозначающее (Великий) Новгород – *Holmgardr*, очевидно город холма / на холме, учитывая, что слово *холм* древнегерманского происхождения; или же исчезновение [l] в французском из древнефранцузского *ail* (*чеснок*, ед. ч.), *aulx* (*чеснок*, мн. ч.), оба произносятся в современном французском литературном языке без участия [l] ([aj] и [o]); в определенных словах английского, исторически произносившееся [l] исчезает, как в *walk*, а в некоторых диалектах в еще большем количестве слов, звучит как в *milk*. Пример в славянских языках – ст.-сл. *чловѣкъ*, дает в словн. и словц. *človek*, в чеш. *člověk*, в поль. *człowiek*, ополногасившись в восточнославянских языках, рус. и бел. *человек*, укр. *чоловік*, но в серб.-хорв. *човек* / *čovjek* (зато дав в разговорном русском языке *чувак*, по модели *волк* ~ *вук* / *vuk*) – [r] так не исчезает. Возвращаясь к др.-ру. памятникам, необходимо отметить, что это только графика – она не отображает необходимо точную фазу произношения тех или иных сочетаний в данный период, ибо известно, что переписчики более или менее верно переписывали тексты и/или копировали стили других писарей, и, таким образом получилась фактическая смесь литературного болгарского (двора Симеона I Великого) с народными русскими говорами (разных областей, впоследствии московского). Староцерковнославянские тексты русского извода и тексты народного языка не имеют четкой границы, эти два литературных книжных языка слились один с другим.

Начиная с праиндоевропейского языка, плавные были слогообразующими, краткие и долгие. В старославянском также были слогообразующими и одной долготы, так что мы видим, что диахронически ожидаемо было бы увидеть слогообразующие плавные в (древне)русском языке, синхронически тоже, имея в виду значительное влияние староцерковнославянского. Но древнерусский имел такие согласные только в свой ранний период, они потеряли слогообразовательность в определенный момент при участии редуцированных гласных, а потом по аналогии, что видно и по памятникам. То есть, в старославянском были [r] и [l], – так получается графика *врѣхъ* или *врѣхъ*, или даже *врхъ*, и одно и другое и третье встречаются в зависимости от памятника этого письменного языка, в ст.-сл. на самом деле произносились [vr̥xə] или [vr̥xʉ], но только между согласными и

внутри корня (Хабургаев 1974: 108) (Конески 1996: 41). Это важно отметить, как мы увидим в следующей главе о влиянии плавных на сочетания между согласными. В древнерусском они были слогаобразующими, но недолго. Слова *тѣргъ* и *вѣлкѣ* на самом деле произносились в древнерусском (с участием слабого редуцированного, в отличие от ст.-сл, в котором он лишь графический знак) как др.-ру. «*tъrgъ*» и «*vъlkъ*» ([tərgə] или [tərgʰ] и [vəlkə] или [vʰlkʰ]) – и снова отметим, что в древнерусском редуцированные *сопроизносятся* вместе с плавными, находящимися перед ними (Борковский, Кузнецов 2006: 56). Следует добавить, что иногда и в другом направлении идет вокализация, то есть консонантизация, когда ъ («ʉ», [ɤ] или [ə]) и ь («i̇», [i]) становятся в ст.-сл. [v] и [j], перед гласными в начале слова, говоря точнее (Хабургаев 1974: 98). Так, в истории славянских языков [l] или [l̥], [ɤ] или [ə] и [i] (л, ъ и ь) диахронически (но никоим образом не синхронически) все могут изменить гласность или согласность, то есть, до такой степени измениться. Это обычно незаметно по памятникам, ибо в исконно древнерусских произношениях перед *р* были ъ [ə] или ь [i], а перед *л* стоял ъ [ə], а ь [i] перед *л* был только, когда перед редуцированным появляется шипящий, например *жьльть* (там же). Все-таки мы уже знаем, что в памятниках были разные возможности, которые не обязательно отражали реальную ситуацию: Борковский и Кузнецов их категоризируют как три возможности: либо *ѣр/ьл* (это живое древнерусское произношение), либо *рѣ/ль* (это влияние староцерковнославянских рукописей на древнерусских переписчиков), либо смесь книжных норм (или смешение) *ѣръ/ьль* (там же). Но есть и примеры, в которых можно увидеть редкое явление, хотя чаще в диалектах, чем в дошедшей до нас литературной норме: может быть, [r] в модели полногласия *оро* (см. ниже) смягчилось и так получилось *вьръвка* > *верёвка* (это (диалектный) пример второго полногласия, тогда как первое, это, например, *градъ* > *городъ*) (там же: 55) (Тележко 2017: 2). Считается, что это пример слогаобразующего [r] в примере *вьръвка*. Размеры и раздробленность средневековой территории древнерусского языка привели в результате к таким параллельным путям развития, а затем солидификация через стандартный язык включила такие неаналогичные случаи – как, впрочем, и все староцерковнославянизмы. Впоследствии, хотя это не совсем ясно по памятникам, [r] и [l] потеряли в древнерусском способность образования слога.

Это видно по тому, что сочетание *ьр* между любыми согласными ополногласилось, как и все остальные *ь* [э], по аналогии с другими *ь* [э] (там же). Это слоговой гласный, поэтому *ь* [э] не исчез в этом сочетании. Однако, в современном языке произносится (и правильно пишется) *с другими*, а не *со другими*, и это как будто свойство гласного. Однако понятно, что эти и подобные явления возникают только в строго определенных случаях, а потом они аналогизировались (Townsend, Janda 1996: 41), хотя это больше касается влияния на другие слоги, которые не всегда осуществлялись параллельно.

2.4. Влияние на слоги и метатеза плавных

Одна из самых заметных разниц между изводами церковнославянских текстов средневековья – соотношение гласных (особенно редуцированных) с плавными. Бросается в глаза разнообразие славянских языков по этому вопросу, например. праслав. **вѣлкъ*, ст.-сл. *вѣлкъ*, болг. *вѣлк*, мак. *волк*, серб.-хорв. *вук / vuk*, укр. *вовк*, бел. *воўк*, поль. *wilk*, чеш. и слцв. *vlk*. Дело в том, что [r] и [l] являются слогообразующими согласными в праславянском языке (общеславянский период), и это огромное различие по сравнению с большинством других согласных. Здесь нам интересно то, что староцерковнославянский в своем исходном, древнеболгарском изводе эту слоговость плавных выразил графикой *рь*, *рь*, *ль* и *ль*, которая не указывает на этот факт непосредственно (в других контекстах, то есть чаще *ь* и *ь* обозначают редуцированные гласные), тогда как в текстах словесности древней Руси часто пользовались графикой именно наоборот, *ьр*, *ьр*, *ьл*, и *ьл*, так как в др.-ру. эти графемы *ь* [r] и *ь* [l] обозначали редуцированные гласные и в этом контексте, хотя более слабые (см. выше). Якубинский приводит обширный список примеров, ст.-сл. слогообразующие [r] и [l] в *вьрхъ*, *скръбь*, *вѣлкъ*, *мѣлнѣ* ([vɣxə] или [vɣxɣ], [skɣbɪ], [vɣkə] или [vɣkɣ], [mɣnija]) и точно наоборот в др.-ру., в то время, как слогообразующие [r] и [l] в *вьрхъ*, *скръбь*, *вѣлкъ*, *мѣлнѣ* ([vɣxə] или [vɣxɣ], [skəɣbɪ] или [skɣɣbɪ], [vəlkə] или [vɣlkɣ], [mənija] или [mɣnija]) (Якубинский 1953: 100). Плавные всегда предшествуют *ь* и *ь* в староцерковнославянском (Townsend, Janda 1996: 59), а в древнерусском наоборот.

Современный русский язык является неравномерным синтезом древнерусской фонологии и староцерковнославянской письменной традиции.

Кроме того, славянские плавные богатые морфонологически – они обладают аблаутом. Йосип Хамм приводит огромное разнообразие, то есть диахронический путь был относительно недолгим, но зато широк синхронический путь согласных вокруг староцерковнославянских плавных [r̥] и [l̥]: для [r̥], «*er, or, p*» (слоγοобразующее) с помощью метатезы даст «*er, or, p̄r̄, ra, r̄b̄/̄r̄* и *r̄b̄/̄r̄*»; он также приводит однокоренные старославянские примеры *смърть, мър*, *мр̄ти, мор̄, оумирати*, которые доказывают морфологическое разнообразие плавных согласных. Как будто таким же образом развивается [l̥], но без возможности *ъл/ль*, вероятно из-за сильной палатализованности этой фонемы (Hamm 1958: 93). Впрочем, и другие языки обладают аблаутом, но то, что свойственно славянским языкам, это их склонность к плавным (в английском, например, аблаут полностью нормален, но по совсем другой логике: *sing, sang, sung*), а эта склонность объясняется тем, что гласный инвентарь праславянского языка имел редуцированные гласные, которые мутировали и, впоследствии, исчезли в большинстве славянских языков как редуцированные. В русском языке они остались только в форме аканья, то есть они развились по другой внутренней логике путем ударности слога (в современном русском языке все неударные *o, a, e* и *я* являются, *de facto*, редуцированными гласными, в виде [э], [е] и [я]), а не «исходными» редуцированными. Измерение появления аканья делается так, что в памятниках отыскиваются колебания относительно написания *o* или *a*. По мнению Борковского и Кузнецова, аканье должно было появиться в русском языке после падения редуцированных (Борковский и Кузнецов 2006: 142). Причины просты, а они состоят в том, что нелогично предположить, что система редуцированных гласных может сосуществовать с регулярным аканьем и то, что ударный слог влияет на произношение неударного. Другими словами, здесь важно развитие отношений безударных слогов к ударному, т. е. есть ли особенное отношение в современном русском языке (там же) после развития полногласия, а в славянских языках это ключевой вопрос, имея в виду сложность акцентологической природы праславянского и их рефлексy во всех славянских языках (см. закон Дыбо, закон Ившича...). В свою очередь редуцированные гласные

выпали, так как усилились гласные, т. е. те гласные, которые не выпали вследствие падения редуцированных, являются полностью ожидаемыми случаями – фонетическая структура слова не допускала бы дробление самой возможности произношения слова. Это просто компенсация с целью сохранения семантической независимости слова – в противном случае, могло бы произойти подобное тому, что произошло с французским и окситанским языками, то есть феномен льеzona. Но ни в одном славянском языке фонологические слова не сократились до такой степени.

Хотя сегодня хорошо известно, что метатеза плавных не является исключительно славянским явлением (Тележко 2017: 2 – в данной статье исчерпывающе доказано, что это явление, на самом деле, общее индоевропейское), его уже долго исследуют в русской фонологии и славянской вообще. В научной литературе появился обычай описания определенного феномена, здесь центрального: сочетание плавного с редуцированным между любыми согласными, то есть модель «ГЪРТ», где «Р» представляет любой плавный согласный, «Г» любой согласный, а «Ъ» один из двух редуцированных гласных, но они могут быть либо перед плавным, либо после плавного. В данной работе условно будем пользоваться этой схемой, хотя более точное представление этого порядка фонем было бы (C)+[r]/[l]+[i]/[э]+C и (C)+[i]/[э]+[r]/[l]+C. Эта структура ГЪРТ используется для объяснения реакции праславянского (и староцерковнославянского) фонологического закона открытого слога в славянских языках, с учетом особенного положения плавных согласных, которые, как сказали выше, занимают промежуточное положение между гласными и согласными – причем только плавных, а не других сонорных (*н* и *м*). Это открывает новый феномен – *метатезу плавных*. Вместо устранения плавного из такого положения для строгого придерживания закона открытого слога происходит перемещение, перестановка, то есть метатеза (Mihaljević 2002: 183). Так сложилось, что славянские языки (очевидно, и сам праслав. язык) все иначе образовали рефлексы из сочетаний [er], [or], [el] и [ol] между двумя согласными, как и сочетание [or] и [ol] плюс согласный в начале слова, это объясняет скобки в схеме (C)+[r]/[l]+[i]/[э]+C и (C)+[i]/[э]+[r]/[l]+C, где C – любой согласный, ибо метатеза плавных касается начального сочетания и сочетания внутри слова (см. ниже). Праславянский язык обладал только открытыми слогами и видно, что плавные

согласные здесь совершили некую определенную реакцию в каждом славянском языке – праславянское единство в этом случае дробилось в разных направлениях, но мы все-таки увидим, что этот процесс не был полностью генерализованным (Ivšić 1970: 107). Уже старославянский обладал большими диалектными разновидностями, но известно, что в корнях слов, где произойдет метатеза плавных в славянских языках, в ПИЕ сочетание состояло из плавного согласного *r или *l после гласного краткого *o или *e, а в старославянском, как раз наоборот, перед плавным согласным стоят эквиваленты, [a] и ѣ (Hamm 1958: 111).

Вышеприведенные сочетания [er], [or], [el] и [ol] между двумя (любыми) согласными и [or] и [ol] перед согласным и в начале слова покажут нам, до какой степени славянские языки сумели решить проблему случаев отступления от закона открытого слога, вернее, неаналогизированное сочетание в море открытых слогов. Например, плавный согласный [l] в праслав. *golva уже в ст.-сл. перемещался в *глава*, то есть *-ol > [la]; кроме акцентологических различий и различий в других согласных, это сочетание осталось таким же в многих славянских *стандартных* языках, как в сербскохорватском, словенском, македонском, болгарском, чешском и словацком. Полногласное сочетание развилось в восточнославянских языках, так русс. и укр. *голова*, бел. *галава* (но диалектный бел. *góлаў*). Остальные большие славянские языки развили совсем другие решения, польский и нижнелужицкий *głowa*, верхнелужицкий *hłowa*, полабский *glāvā*, словинский *glōvā* [sic] (*Этимологический словарь славянских языков*: том 6, 1979: 221). Понятно, что развитие полногласия является локализованным феноменом в древнерусском языке (здесь полезно упомянуть его другое название, древневосточнославянский) в славянском контексте, также как и во всех языках, произошедших из него; полногласие наблюдается также в отдельных балтийских диалектах, как, например, в говорах южной Латвии, Земгале – латышский *zīrgs* («лошадь»), земгальский *zīrgas* (*Латышско-русский словарь*: 1942, 224), – приводя к выводу, что метатеза плавных происходила в этот же ранний, древневосточнославянский период.

Возможных путей этого положения плавных с редуцированными между двумя согласными много, и каждый славянский ареал реагировал по-своему, откуда и разнообразие этих языков. На самом деле бесконечного количества возможных ответов нет, иначе два географически отдаленных региона могли бы получить то же самое «решение», то есть форму. В праслав. модели есть секвенция рефлексов – ТЪРТ, ТЪРТ, ТЪЛТ, ТЪЛТ, то есть C[ər]C, C[ɪr]C, C[ə]C C[ɪ]C (Mihaljević 2002: 183-184). Некоторые славянские языки дали сочетания ТРАТ, ТЛАТ и ТРЁТ, ТЛЁТ, то есть C[ra]C, C[la]C и C[riɛ]C, C[liɛ]C (южнославянские, чешский и словацкий языки – причем и гласные удлиннились в сербскохорватском, сформировав особую акцентологическую систему (Хабургаев 1976: 131) и македонский, который одновременно сохранил слогаобразующее [r] и редуцированный шва как [ʔr] в слове *смрт* [smʔrt] (*Славянские языки* 1977: 335), хотя ополногасившийся ъ [ə], оказался перед [l] после метатезы, как в *волк* (там же: 342)). Затем следуют рефлексы ТРОТ, ТЛОТ и ТРЕТ, ТЛЕТ, то есть C[ro]C, C[lo]C и C[re]C, C[le]C (польский и серболужицкие языки, причем в поль. палатализованное [rʲ] стало [z] с графикой *rz* совместно с чеш. ř [r̥] (это [r] и [z]), а в серболужицком тот же самый процесс привел к [ʃ] с графикой ř (*Славянские языки* 1977: 174)), потом случай отсутствия какой-либо метатезы (кашубский, словинский и полабский языки, как и среднеболгарский, но современный болг. превратил ъ [ə] перед [r]/[l] в [o] (*волк*), а ъ [ɪ] перед [r]/[l] в [e] или [a], вернее [ɤ] (*сърце, жълт*) (там же: 217-218)). И, наконец, самое отличающееся от других решение, решение восточнославянских языков – *полногласие* (или плеофония), то есть ТОРОТ, ТОЛОТ и ТЕРЕТ, то есть C[oro]C, C[olo]C и C[er'e]C, но реже ТЕЛЕТ, так как уже ТЕЛТ и ТОЛТ уравнились в ТОЛОТ, отсюда *млѣко* > *молоко*, но *брѣгъ* > *берег* ради фонемы *ѣ* (в польском и чешском не было такой ассимиляции, так поль. *mleko*, чеш. *mléko* и поль. *brzeg*, чеш. *břeh*) (там же: 184-186) (Борковский, Кузнецов 2006: 70-71) (ср. как [r] и [l] удерживают структуру слова, когда беглые [o] и [e] исчезают: мн. ч. род. пад. русс. *игра* и *угол* = *игр* и *угл*). Причем мы должны добавить, что [t] – это веллярно-зубное; сочетание [ɪt] («ьt») не объясняется плавностью: [t] это твердое, оно воздействовало на ъ [ɪ] и дало ъ [ə], это простейший пример ассимиляции по артикуляции, выдвигание одной фонемы ближе к другой по артикуляции (там же: 56). Объяснение полногласию по мнению

Борковского и Кузнецова состоит в том, что в ранний период древнерусского языка, плавные еще были слогообразующими – модель секвенции «*торт > *торт > *тор^от > торот» (там же: 70). Произошла перемена полностью в соответствии с законом открытого слога: в праслав. языке на самом деле [r] и [l] были слогообразующими после ъ [ə] и ь [i], как и в староцерковнославянском и даже в др.-ру. в свой ранний период. Так, др.-ру. графика *вълкь* отражала, хотя и неверно, раннее слогообразующее [l], у которого две моры (самые короткие временные единицы речевого потока), то есть, как у всех открытых слогов, благодаря гласным. Так, слово *вълкь*, имея шесть моров, монофтогизировалось в современное *волк*, без какого бы то ни было редуцированного после *л*, которое могло бы ополногласиться: получился *волк*, а не *волок (Mareš 1956: 22), хотя чаще доходит до полногласия, как в *молоко*, *берег*, которые объясняются дополнительно в следующем абзаце. Хабургаев приводит пример слова праслав. *bǫrda, которое в русском дало метатезу плавного [r] и гласный призвук перед бывшим слогообразующим плавным (Хабургаев 1974: 130), так *bǫrda > «*bʳǫ-da > *bǫroda > борода» [bǫrɛda] и этот гласный призвук и остался таким, редуцированным в современном языке, но под графикой предударного *о* (там же: 131). Ведь, как уже сказано, были и староцерковнославянские сочетания в древнерусском, впоследствии и в современном; так в древнерусском появились и остались после полногласия слова *търгъ*, *вълкь*, *жълтъ*, *държати* и *кръвь*, *гълтати*, *крѣсть*, *слѣза* (Борковский, Кузнецов 2006: 55) – здесь полностью просматриваются современные слова *торг(овле)*, *волк*, *жёлт(ый)*, *держать* и *кровь*, *глотать*, *кресть*, *слеза*. Добавим, что в русских говорах различаются эти же случаи, в виде веляризованного *л* и невеляризованного *л*, с географически предсказуемым пониманием, что оно переходит в [w] в северо-восточных ареалах, таким образом, иногда приводя к смешению таких слов, как *стал* и *став*, оба произносимых как ста[w] (Пожарицкая 2004: 82-84).

Хотя «вполне точно определить время развития полногласия мы не можем», оно во всяком случае в дописьменный период (Борковский, Кузнецов 2006: 72), понятно и через внелингвистические явления, как присутствие имени Карла Великого, умершего в 814 году, в общеславянском слове для обозначения *короля*, *korľь, которое метатезировалось по-разному в каждом славянском языке, будучи не принятым в одном-единственном облике

(Хабургаев 1974: 131-132). Объяснение вышеприведенного примера *молоко*, в том, что [l], которое намного сильнее могло палатализироваться, чем [r] (которое даже могло утвердиться, см. ниже), повлияло на соседние согласные в этом сочетании. В схеме ТЕЛТ [t] твердый, на самом деле C[et]C (этот же велярно-зубной л), этот же [t] является результатом твердого согласного после него. Вследствие этого следует еще одна цепь этой ассимиляции – [t] лабиализован, на самом деле, как мы упомянули выше, это [tʷ], а [e] в C[et]C структуре тоже стал лабиализованным (сдвинулся в задний ряд, как тот же самый [tʷ]) и из переднего [e] получилось заднее [o]. Так [e] перед [tʷ] стало [o] и по тем же самым ассимиляционным причинам (положение языка) для произношения при развитии этой модели возник еще один [o] после [tʷ] – и так возникло полногласие: [tʷ] окружено гласными, обе [o], и потом произошла ее редукция, из-за ассимиляции. Таким образом, получилось «*melko > *melko > *molko > moloko» (причем [m] не смягчилось, когда после его стоял ять (ѣ), так и не мог быть мягким после этого развития) (там же: 71). И здесь тоже, как во многих случаях, есть исключение из-за староцерковнославянского: в качестве примера, укажем на случай современного русского слова *шлем*. Оно происходит от ст.-сл *шлѣмь*, которое вошло в др.-ру. неметатизированным и таким и осталось (кстати, это слово из прагерманского языка). Так, схема была следующей от прагерманского до современного русского литературного языка: *kel- > *helm > *xelmъ > *šelmъ > *šölmъ > *шеломь* > *шлѣмь* > *шлем* (там же: 71) (*Duden Herkunftswörterbuch* 2001: 333) (Mareš 1965: 23). Ср. также позднее заимствование русс. *тигр*, через французский (изначально из авестийского), который прошел мимо периода становления системы полногласия, поэтому и не мог ополногласиться как и – также заимствованный – *шлем*; в серб.-хорв. *tigar* / *tigar* заимствование через немецкий, отсюда *a* – ср. неожиданный русс. *лавр* и серб.-хорв *ловор* / *lovor*. Итак, мы видим, что сознание об этом процессе не было совсем очевидно жителям Древней Руси, так как староцерковнославянизмы вошли в язык без препятствий и без униформизации по образцам уже в процессе развития древнерусской фонологии.

Объяснив влияние плавных на слоги внутри корня, между согласными, посмотрим их влияние в начале и в конце слова, то есть объясним, почему мы поставили в скобки (C) в схеме (C)+[r]/[l]+[l]/[ə]+C и (C)+[l]/[ə]+[r]/[l]+C. Нередкое древнерусское, и на самом деле

общеславянское сочетание в начале слова [ro] / [rʷo] (чаще обозначенное в литературе как *ro / lo*) появляется в сочетании с согласным – так получается схема ОРТ/РОТ и ОЛТ/ЛОТ (где Т любой согласный), вернее [ro]С / [rʷo]С: в родственном ст.-сл. слова *равьнь* и *ладии* имеют для эквивалентов в древнерусском *ровьнь* и *лодия* (Борковский, Кузнецов 2006: 73). И снова все-таки заимствовались слова староцерковнославянской фонологии, как *раб* (соответствующий др.-ру. фонологии эквивалент был бы несуществующее слово *роб), или же русс. *разумный* и чеш. *rozumné*.

Еще одно сочетание, по которому также отслеживаются фонологические расходящиеся пути славянских языков – *-tl- и *-dl-. Это общеславянское сочетание также реагировало на закон открытого слога по-своему, например праслав. *modliti (sę)/*molditi (sę) > ст.-сл. *молити са*, в др.-ру. тоже без [d]. В южнославянских и восточнославянских языках с некоторыми исключениями в пограничных диалектах утратились зубные [d], [t], а западнославянские их сохранили: ср. *modliti (sę)/*molditi (sę) > поль. *modlić się* (Mihaljević 2002: 179-180). В др.-ру. это сочетание упрощалось без влияния староцерковнославянского, как видно из того, что это общее и нормальное явление, имеющее исключения, как в древнепсковском *въсьгли*, с сочетанием [gl] (там же: 180) (Борковский, Кузнецов 2006: 94-95). Это сочетание интересно по тем же самым причинам, как и сочетание ТЪРТ: не совсем понятно, произошло ли упрощение этого сочетания до или после утраты редуцированных (и окончания строгого закона открытого слога) и какие отношения имеет оно с сочетанием ТЪРТ. Трубецкой считает его более ранним, чем метатеза плавных. Вероятно, это произошло до утраты редуцированных ъ [ə] и ь [ɨ], хотя непонятно, связано ли это с утратой открытого слога. Во всяком случае, оно сохранилось в начале слова в южно- и восточнославянских языках неизменным: ср. праслав. *dolnъ/*dloпъ/*dolъпъ(жь) > ст.-сл. *длань*, серб.-хорв. *длан / dlan*, но в русском здесь произошла метатеза, приведшая к форме *ладонь* (Mihaljević 2002: 182) (*Этимологический словарь славянских языков: том 5*, 1978: 65-66) – снова заметно влияние гласного призвука перед плавным согласным – то же самое относится к слову *ложка*, ст.-сл. *лъжица* > русс. *ложка*, словн. и хорв. *žlica*, или же праслав. *orz- (*orzvъ) > ст.сл. *развь* > русс. *разве*, серб.-хорв. *zar / zar*, и начальный -[oɾ] в истории славянских языков был поглощен в этих

же парадигмах также из других языков, ср. кайкавский *orsag* и чакавский *rusag*, оба от венгерского *ország* («государство, страна»). Пусть имеем также в виду, что [r] и [l] могут даже перемещаться друг в друга, напр. русс. *выкрикивать* и *воскликать* (ср. русс. *воскликать* и чеш. *výkřik*) (и, возможно, но не установлено, русс. *огромный* и болг. *голям*), также, как и в других языках, ср. немецкий *Elisabeth, Gerhard* ~ венгерский *Erzsébet, Gellért* (из древнееврейского через [l] и латинского через [r]), или же английский *Catherine* ~ ирландский *Caitlín* (из древнегреческого через [r]). Объяснений этим явлениям много, хотя некоторые лингвисты признают, что согласия о том, как и почему произошла метатеза плавных *просто нет* (Ivšić 1970: 102) (Mihaljević 2002: 195-196), так что это открытый вопрос (в общем причины фонологической перемены разные, но феномен этой перемены не всегда понятен в удовлетворяющей степени, чтобы сделать большие заключения – это несомненно одна из самых значимых проблем лингвистики).

2.5. Эпентетический [l] и отвердение [r]

Говоря о фонологическом развитии языка, надо иметь в виду, как это заметил и неоднократно подчеркивал Андре Мартине, что язык стремится к простоте и прагматике; как следствие, иногда фонология развивает систему облегченного произношения слов, которая не происходит от *уже существующей* морфонологии. Эпентеза (добавление фонем) именно такое явление, так как появление несвязанных с морфологией фонем – явление обычное в славянских языках – и эпентеза в русском языке хорошо исследованный предмет в русской лингвистике. При этом в русском языке эпентеза появляется в сочетании губной согласный (в случае русского языка, это [b], [p], [v] и [m]) плюс палатальный аппроксимант, иначе говоря среднеязычный мягкий согласный [j] плюс любой гласный, то есть схема [b]/[p]/[v]/[m]+[j]+V, где V согласный, притом не ассимилировавший фонему [j] (так как это фонотактически не могло бы случиться в славянских языках, губной согласный плюс [j]) (Mareš 1965: 49) – именно здесь появится эпентеза через [l]. Самый простой пример, это др.-ру. *зѣмь* > (под влиянием старославянского) *зѣмля*, то есть и *земля* в современном русском языке. Путь становится заметным, когда увидим рефлексы того же

самого корня в других славянских языках, ср. слов. *zem*, поль. *zemia*, мак. *zemja* и болг. *земя*, потом сербскохорватский *земља / zemlja*, последнее из них под таким же ярким влиянием староцерковнославянского, как и (древне)русский. Примеры польского, словацкого и т. д. покажут нам, что этот [l] эпентетический, так как он не появляется равномерно везде – (палатализованное) [m] (то есть губной согласный), при встрече с продуктивным, исходно индоевропейским суффиксом, который дает $[-ija]$ (*-ия*), не нуждается в какой бы то ни было вставленной фонеме (как в *zemia*), но иногда, все-таки, принимает эпентезу из-за облегчения произношения (как в *земля*). Этот пример, как и многие другие, доказывает, что фонологическая система русского языка предпочитает униформизировать, уравнивать палатализацию ряда согласных (в отличие от вышеприведенных примеров, как чешский, польский, македонский...). Интересно, что не везде эпентетический [l] уравнился, как в морфеме $[-l]$ -янин: русс. *киевлянин* и *римлянин*, но *молдаванин*, без эпентетического [l]. Это сочетание губных согласных с [j] дает схему $pj, bj, vj, mj > pl, bl, vl, ml$, но не касаясь корней этих слов. Эти эпентетические [l] заметны в морфологических парадигмах современного русского (и не всех славянских языков), как *ловить > ловлю, капать > каплю*, праслав. **solq > солью*. Таким же образом [j] появился и перед [r], но в этом случае [j] тоже исчезло, давая так называемые исконно мягкие сонорные: поэтому [rj], [lj] и [nj] дали [rʲ], [lʲ] и [nʲ], так праслав. *govorjq > др.-ру. говорю* (Якубинский 1953: 122). Эпентетический [r] существует лишь в нескольких английских говорах (то есть [ɹ]), но отнюдь не в русском.

Добавим также, что [l] может появиться, чтобы облегчить произношение, но может считаться и лишним для облегченного произношения. Современный русский язык под влиянием староцерковнославянского имеет орфографию, которая является смесью морфонологической и этимологической орфографий, так что остались в письменной речи слова, уже вытесненные из действительного состояния языка. В определенных для русского языка больших сочетаниях согласных, [l] исчез, в результате перемещения (см. выше), к примеру, в сочетаниях ТЪРТ и т. д. – но все-таки этот [l] как графема пишется, давая такой же фонологический результат, как и в языках-наследниках староцерковнославянского, то есть, славянские языки: русс. *солнце*, но мак. *сонце* и

серб.-хорв. *сунце* / *sunce*. Другие языки, как болгарский и польский, передвигали этот [l] вперед, таким образом, сохранив его: болг. *слънце*, поль. *śłońce*. Полногласие, не появившееся в этом случае, так и не могло сохранить произношение [l]. Ст-сл. (и близкий касательно вопроса плавных праслав. язык) слова *сѣмръть* и *гльбокъ* в современном русс. дали *смерть* (метатеза [r]) и *глубок(ий)* (отсутствие метатезы [l]), то же самое как и в болг. *смърт*, *гльбок* и в мак. *смрт*, *длабок*.

Ожидаемо, что как следствие утраты слабого редуцированного ь [l] должно было произойти смягчение предшествующего гласного (здесь ищем только случай фонемы [r]), бывшего гласным переднего ряда (как [i] и [e]). Но тенденция к униформизированной артикуляции (произношение с наименьшими препятствиями) приводит иногда к другим результатам: род. пад. др.-ру. *орьла* (от *орьль*) > род. пад. русс. *орла* (от *орел*) (добавим, что [r] и [l] вообще, в глобальном плане, редко стыкуются, чаще сливаются друг с другом или занимают отдельные слоги, так как они складно не сочетаются).

Это отверждение фонемы [r] происходит из-за артикуляционного несоответствия твердых зубных согласных как [r], и (твердых) губных [b], [p], [v] и [m] или заднебных [k], [g], и [x] – напротив, мягкие зубные как [r^j] на месте этого несоответствующего твердого согласного облегчают произношение. Объяснение состоит в том, что язык при произношении как мягких зубных, так и твердых губных и заднебных находится в вогнутом положении (при произнесении слова нет больших перемен в положении самого языка), а мягкие зубные требуют выпуклого положения языка. Совершенно нормально, что легче произнести современные русс. слова *борьба*, *тюрьма* или *горько*, *серьга* с помощью совсем короткого зияния, облегченного смягчением через русс. ь (Кипарский 1972: 122). Опять-таки смягчения не было бы, если бы мягкий зубной или мягкий губной сочетался с твердым зубным; в поисках случаев с мягким зубным [r^j] в сочетании с твердым зубным [t], [d], [n], [s], [z] или [r], находим *въръно* > *верно*, *морьская* > *морская* (там же: 122-123). Это не должно было быть так, как проистекает из определенных говоров украинского и белорусского языков, в которых (хотя это же заметно в старых памятниках) [r^j] отвердел по другой логике, то есть исконно мягкие [r^j] и [l^j] перед гласными переднего ряда (*и*, *е*). Это наблюдается в старобелорусском случае *терать*, ср. русс. *терять* (Борковский, Кузнецов

2006: 155), или в укр., в котором смягчение шло другим путем, напр. *російський* (ср. русс. *российский*), или же в чешском и древнепольском, в которых палатализованный [rʲ] либо депалатализовался, либо стал дрожащим [ʒ], т. е. [r], как все еще осталось в современном чеш. *ř* (Ivšić 1970: 133). Случай ассимиляции [rʷ] подобен им. После падения сильного редуцированного ь [э], [rʷ] депалатализовал палатализованный согласный после него, напр. др.-ру. *орьла* > русс. *орла*, др.-ру. *козьла* > русс. *козла*. Наоборот, [rʲ] в том же положении сохранил мягкость, напр. др.-ру. *польза* > русс. *польза*, то есть не изменился (Кипарский 1972: 123). Даже [r] после гласных переднего ряда палатализовался, как в русс. словах *первый* и *церковь* (и поль. *wilk* «волк», *wierzba* «ива») (Troubetzko 1922: 232), как об этом свидетельствует памятник Петру Первому в Санкт-Петербурге Медный всадник, на котором написано «Петру Перьвому», но это больше не касается сегодняшнего состояния русского языка. В общем, плавные палатализовались и отвердели сильнее, чем другие согласные – это видно и по интуиции говорящих, так как в определенных славянских языках, палатализованное [rʲ] имеет свою графему – в русском языке, нет.

3. Заключение

3.1. Общее заключение

В данной работе мы проследили, начиная с индоевропейского праязыка до современного русского литературного языка не только внутреннее развитие плавных фонем [r] и [l], но также их особое и интересное влияние на слоги с периода славянского праязыка до современного состояния. Это особое отношение к слогам происходит оттого, что в праславянском языке был фонологический закон открытого слога, к которому самые звучные согласные относились по-своему. Они изменялись по состоянию слогов и по соотношению с другими сонорными, [m] и [n], но чаще всего имея свой путь развития (ср. *на льду*, но невозможное *мду из-за различных степеней сонорности [l] и [m], хотя *мгновение* существует как редкое фонологическое явление внутри русского); они потеряли слогаобразовательность в древнерусский период, как и исконную мягкость, но зато

добавили разнообразие аллофонов. Несмотря на все это, они в самых ранних памятниках, как, впрочем, и во многих языках, писались самым простым способом, двумя графемами, *p* и *l*, заставляя сделать вывод, что они мотивируют более чем интуитивное понимание их устройства нелингвистами, то есть обычными говорящими. В общем, они и не упрощались, и не усложнялись в большой степени, так как язык имеет тенденцию к практичности и *внутренней симметрии* через многочисленные уравнения, но они всегда имели совсем другое отношение к другим фонемам и имели значительные передвижения. Все остальные согласные имели другие, более четкие границы с гласными, не являясь препятствиями закону открытого слога; они не были в большей степени открытыми к аллофонии, в виде лабиализации, палатализации, аспирации, по сравнению с плавными. Плавные, являясь мостовыми фонемами, самыми звучными согласными, были то слогообразующими, то нет – они в общем занимают интереснейшее место в мировой лингвистике.

3.2. График развития русских плавных

Предлагаем ниже график развития плавных фонем от древнейших реконструированных состояний до современного русского литературного языка. Таким образом изображается многотысячная фонетическая и фонологическая нить развития двух архифонем. Укажем и на факт, что каждый из этих столбиков не вызывает полного согласия в лингвистической литературе.

<i>Праиндоевропейский язык</i>	<i>Прабалтославянский язык</i>	<i>Праславянский язык</i>	<i>Древнерусский язык</i>	<i>Сов. русский лит. язык</i>
*r	<i>так же (предположительно)</i>	*r ^j	[r ^j]	[r]
*r̥		*b _{r̥} /*ǣr	[r]	[r̥]
*r̄		*b _{r̄} /*ǫr	[l]	[r ^j]
*l		*l ^j	[l ^j]	[r ^w]
*l̥		*b _{l̥} /*ǣl	[l ^w]	[l]
*l̄		*b _{l̄} /*ǫl†		[l̥]
				[l ^w]

† (Хабургаев 1974: 111, 130)

праслав. *ǣr > др.-ру. *-ере-* (> -ст.сл *-рь-*)

праслав. *ǫr > др.-ру. *-оро-* (> -ст.сл *-ра-*)

праслав. *ǣl > др.-ру. *-оло-* (> -ст.сл *-ль-*)

праслав. *ǫl > др.-ру. *-оло-* (> -ст.сл *-ла-*)

{добавим в виде замечания и возможность приблизительной, ориентировочной (как это подчеркивает и сам автор) правильности реконструированных праностратических плавных «r», «l», «r^y», «l^y» (Bomhard (volume I) 2008: 213)}

4. Список литературы:

На русском языке:

- ___ Борковский, В. И., Кузнецов, П. С. (2006) *Историческая грамматика русского языка*. Москва: КомКнига.
- ___ Журавлев, В. К. (1986) *Диахроническая фонология*. Москва: «Наука».
- ___ Кипарский, В. *Об отвердении согласных внутри слова в Русское и славянское языкознание: к 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова (1972)*. Москва: Издательство «Наука».
- ___ Кузнецов, П. С. (1960) *Русская диалектология*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
- ___ Лекант, П. А. [ред.] (1988) *Современный русский литературный язык*. Москва: «Высшая школа».
- ___ Пожарицкая, С. К. (2005) *Русская диалектология*. Москва: Академический проект.
- ___ *Славянские языки: очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков* [под редакцией А. Г. Широковой и В. П. Гудкова: авторы глав А. С. Посвянская (польский), А. Г. Широкова (чешский), Л. И. Васильева (словацкий), К. К. Трофимович (серболужицкий), Н. В. Котова (болгарский), Б. П. Гудков (сербохорватский), О. С. Плотникова (словенский), Р. П. Усикова (македонский)] (1977) Москва: Издательство Московского университета.
- ___ Хабургаев, Г. А. (1974) *Старославянский язык*. Москва: «Просвещение».
- ___ Хабургаев, Г. А. (1980) *Становление русского языка*. Москва: «Высшая школа».
- ___ Тележко, Г. М. *Сочетания плавных согласных с гласными в корнях слов языков индоевропейской семьи* (2015) в: *Universum: филология и искусствоведение*, №1 (35) (стр. 1-5) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sochetaniya-plavnyh-soglasnyh-s-glasnymi-v-kornyah-slov-yazykov-indoevropeyskoy-semi> (дата обращения: 20.10.2020)
- ___ Якубинский, Л. П. (1953) *История древнерусского языка*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР.

На других языках:

___ Bomhard, Allan R. *Reconstructing Proto-Nostratic: Comparative Phonology, Morphology, and Vocabulary: volume I, volume II* (2008) Leiden / Boston: Brill.

___ De Saussure, Ferdinand (1971) *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot.

___ Ducrot, Oswald, Todorov, Tzvetan (1972) *Dictionnaire encyclopédique des sciences du langage*. Paris: Éditions du Seuil.

___ Hamm, Josip (1958) *Staroslavenska gramatika*. Zagreb: Školska knjiga.

___ Hamm, Josip (1960) *Staroslavenska čitanka*. Zagreb: Školska knjiga.

___ *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics* [под редакцией Jared Klein и др.] (2018) Berlin / Boston: de Gruyter.

___ International Phonetic Association. “The International Phonetic Alphabet Chart” [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.internationalphoneticassociation.org/IPAcharts/IPA_chart_orig/pdfs/IPA_Kiel_2020_full.pdf (дата обращения: 23.10.2020)

___ Ivšić, Stjepan (1970) *Slavenska poredbena lingvistika*. Zagreb: Školska knjiga.

___ Karović, Mate (2008) *Uvod u indoeuropsku lingvistiku: pregled jezika i poredbena fonologija*. Zagreb: Matica Hrvatska.

___ Koneczna, Halina (1965) *Charakterystyka fonetyczna języka polskiego na tle innych języków słowiańskich*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe.

___ Конески, Блаже (1996) *Историја на македонскиот јазик*. Скопје: Детска радост.

___ Lanuzza, Stefano (1994) *Storia della lingua italiana*. Milano: Newton Compton editori.

___ Lyons, John (1972) *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.

___ Mareš, František Václav (1965) *The origin of the Slavic phonological system and its development up to the end of Slavic language unity* [перевели с чешского J.F. Snopek и A. Vitek]. Ann Arbor, Michigan: University of Michigan, Department of Slavic Language and Literature.

___ Mayer, Antun (1939) Ответ на вопрос: Durée du slave commun. в *III Međunarodni kongres slavista (slovenskih filologa) / IIIème congrès international des slavistes (philologues slaves): zbirka odgovora na pitanja / Réponses aux questions: N° 1*. Beograd / Belgrade: Izdanja izvršnog odbora / Publications du comité d'organisation.

___ Mihaljević, Milan (2002) *Slavska poredbena gramatika: 1, Uvod i fonologija*. Zagreb: Školska knjiga.

___ Rosenkranz, Bernhard (1955) *Historische Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen (Altkirchenslavische)*. 'S-Gravenhage [Den Haag] / Heidelberg: Mouton & Co. / Carl Winter, Universitätsverlag.

___ Townsend, Charles. E., Janda, Laura A. (1996) *Common and Comparative Slavic Phonology and Inflection, with special attention to Russian, Polish, Czech, Serbo-Croatian, Bulgarian*. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc..

___ Troubetzkoy, N. S. (1922) "Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun" в сборнике *Revue des Études Slaves* 2-3-4, Paris (стр. 217-234). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1922_num_2_3_7258?q=liquides+slaves+troubetzkoy (дата обращения: 28.9.2020)

___ Trubetzkoy, N. S. (1969) "Phonemes and how to Determine them" (переводчик С. А. М. Baltaxe), исходно в сборнике *Principles of Phonology*, University of California Press, в сборнике под редакцией Erik C. Fudge (1973) *Phonology: Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin Books.

___ *World Atlas of Language Structures, The* [составители Martin Haspelmath, Matthew S. Dryer, David Gil, Bernard Comrie и др.] (2005) New York: Oxford University Press.

Список использованных словарей:

___ *Dictionnaire de l'ancien français: jusqu'au milieu du XIVe siècle* [под редакцией A. G. Greimas] (1976) Paris: Larousse.

___ *Everyman's English Pronouncing Dictionary* [составитель Daniel Jones] (1957) London / New York: J. M. Dent & Sons Ltd. / E. P. Dutton & Co. Inc.

___ *Duden Herkunftswörterbuch: Etymologie der deutschen Sprache* [издано под редакцией Дуден] (2001) Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag.

___ *Этимологический словарь русского языка: том I (А-Д), том II (Е-Муж), том III (Муза-Сят), том IV (Т-Яцур)* [составитель Макс Фасмер: перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева] (2004) Москва: АСТ.

___ *Этимологический словарь русского языка: том I, выпуск 2 (Б)* [автор-составитель Н. М. Шанский] (1965) Москва: Издательство Московского университета.

___ *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: выпуск 5 (*dělo-*dyržьlь), выпуск 6 (*e-*golva)* [под редакцией О. Н. Трубачева] (1978, 1979) Москва: Издательство «Наука».

___ *Толковый словарь живого великорусского языка: том I (А-З), том II (И-О), том III (П), том IV (Р-У)* [составитель Владимир Даль: набрано со второго издания, 1880-1882] (1956) Москва: Государственное издательство иностранных словарей.

___ *Mali staroslavensko-hrvatski rječnik* [составители Stjepan Damjanović и др.] (2004) Zagreb: Matica Hrvatska.

___ *Словник: англійсько-український, українсько-англійський* [составители С. А Коваль и др.] (1994) Ірпінь: ВТФ «Перун».

___ *Руско-беларускі слоўнік* [составитель С. М. Грабчиков] (1976) Минск: Народная асвета.

___ *Słownik kieszonkowy polsko-rosyjski i rosyjsko-polski* [составители I. Mitronowa, G. Sinicyna] (1980) Москва: Издательство «Русский язык».

___ *Velký česko-ruský slovník* [составители M. Sádliková и др.] (2005) Voznice: Leda ve spolupráci se Slovanským ústavem AV ČR.

___ *Vreckový slovensko-ruský a rusko-slovenský slovník* [составители D. Kollár и др.] (1971) Москва: Издательство «Советская энциклопедия».

___ *Джобен руско-български речник* [составила М. Леонидова] (1982) Москва: Издательство «Русский язык».

___ *Руско-македонски речник* [составители Нина Чундева, Марија Најческа-Сидоровска, Спиро Накев] (1997) Скопје: Филолошки факултет "Блаже Конески".

___ *Slovensko-srbskohrvatski slovar* [составители Dr. Stanko Škerlj и др.] (1975) Beograd-Ljubljana: Izdavačko preduzeće Prosveta / Državna založba Slovenije.

___ *Руско-српскохрватски речник* [составители С. Ивановић и Ј. Петрановић] (1966) Москва: Издательство «Советская энциклопедия».

___ *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: knjiga I (A-J), knjiga II (K-poni'), knjiga III (poni'-Ž)* [составитель Petar Skok; с участием Mirko Deanović, Ljudevit Jonke, Valentin Putanec] (1971, 1972, 1973) Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

___ *Srpsko-hrvatski rečnik varijanti / Hrvatsko-srpski rječnik inačica* [составитель Jovan Ćirilov] (1989) Beograd: Stilos.

___ *Латышско-русский словарь* [составитель проф. Я. В. Лоя] (1942) Москва: ОГИЗ, Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.

Sažetak: U danom završnom radu se slijedi historijska fonologija dvaju fonema, protočnici (likvidi) [r] i [l], iz rekonstruiranoga praindoeuropskog jezika, preko prabaltoslavenskog, praslavenskog, staroruskog sve do suvremenog ruskog standardnog jezika. Protočnici su fonemi koji su silno utjecali na strukturu slavenskog sloga, osobito ruskog, odražavajući utjecaj na svaki slavenski jezik drugačije (i nerijedko ne po tradicionalnim kategorizacijama slavenskih jezika), te su ostavili svoj trag na cio niz fonoloških kategorija: slogotvornost, palatalizacija (poziciona ili nepoziciona, „suštinska”), labializacija, promijena [r] u [l] i obrnuto... Spomenute su i neke od drugih fonoloških kategorija i drugi jezici (indoeuropski i neindoeuropski) kojima se opisuje u kratkim crtama globalna tipologija tih dvaju fonema radi boljeg razumijevanja procesa unutar ruske historijske fonologije, pokazujući moguće puteve razvitka danih fonema; najčešće su opisani primjeri iz srodnih slavenskih jezika. Na kraju se privodi pojednostavljeni nacrt sinteze istraživanja u obliku popisa fonema u svakom stadiju od indoeuropskog prajezika do suvremenog standardnog ruskog jezika.

Ključne riječi: historijska fonologija, protočnici, metateza, slogotvornost, ruski, staroruski, praslavenski

Ключевые слова: историческая фонология, плавные, метатеза, слогаобразовательность, русский, древнерусский, праславянский

Kratak životopis: Ivan Silobrčić, rođen u Trstu, Talijanska Republika 17. srpnja 1998. Pohađao osnovnu školu na engleskom jeziku u Oslu, Kraljevina Norveška te srednju školu također na engleskom u Zagrebu, Republika Hrvatska. Upisao studij ruskog jezika i književnosti te francuskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu 2016. godine. U srpnju 2019. boravio tjedan dana radi usavršavanja francuskog jezika kao stipendist na Festival des étudiants francophones d'Europe centrale et orientale (Agence universitaire de France) u Plovdivu, Republika Bugarska. U ljetnom semestru 2020./2021. akademske godine boravio radi usavršavanja ruskog jezika kao stipendist Erasmus+ (studentski boravak) programa Europske unije u Tallinnu, Republika Estonija.